

Г.Б. Романовский*

ПРАВО НА ЖИЗНЬ: ЮРИДИЧЕСКАЯ НОРМА И ДОКТРИНА

Право на жизнь является значимым элементом комплекса основных права и свобод человека как в соответствии с международными документами, так и в соответствии с национальными конституциями. Если в начале XX века сам институт правового статуса человека практически не включался в круг конституционного регулирования, то в настоящий момент право на жизнь — атрибут почти любой современной конституции.

Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 года, провозглашает: «Каждый человек имеет право на жизнь, свободу и на личную неприкосновенность» (ст. 3). Ст. 6 Международного Пакта о гражданских и политических правах предусматривает: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишён жизни». Остальные пункты статьи посвящены гарантиям недопущения несправедливых смертных казней. По мнению В.С. Иваненко, такое текстуальное оформление права носит уточнённый характер, так как содержит указание на неотъемлемость, что подчёркивает его суть. Кроме того, «... безусловно усиливает и психологическое восприятие этого права, и юридическое обязательство по его соблюдению»¹. При обсуждении текста ст. 6 Пакта представителями западных государств предлагалось внести нормы, определяющие исключения из общего правила, в частности относительно лишения жизни при подавлении мятежа, восстания или бунта. «Советский представитель указал на недопустимость подобной формулировки, тем более без уточнения характера восстания, которое может быть признано законным, в частности, в случае отрицания в стране существенных демократических прав и свобод, — отмечает А.П. Мовчан. — Комиссия отклонила предложенную западными странами поправку и решила вообще не перечислять в ст. 6 ограничения права на жизнь, поскольку невозможно дать полное изложение всех ограничений. Кроме того, отмечалось, что такое перечисление может создать впечатление, что скорее разрешается убийство, чем охраняется право на жизнь»².

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года в ст. 2 предусматривает: «Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе, как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание». В последующем устанавливаются некоторые исключения из правила, в частности, когда лишение жизни является результатом абсолютно необходимого применения силы для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа. Таким образом, предложение, которое не нашло поддержки в рамках деятельности ООН, было воспринято на европейском уровне. Кстати, аналогична по содержанию Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека. Американская Конвенция о правах человека, закрепляя право на жизнь в ст. 4, основное содержание посвящает ограничениям применения смертной казни. П. 2 устанавливает, что таковая может устанавливаться только за наиболее серьёзные преступления. Далее расшифровывается, что она не может быть назначена за политические и схожие с ними преступления. Арабская хартия прав человека³ подобно Всеобщей декларации прав человека

© Романовский Г.Б., 2006

* доцент кафедры уголовного права и процесса Пензенского государственного университета (Пенза, Российская Федерация), кандидат юридических наук

¹ Иваненко В.С. Всеобщая декларация прав человека и Конституция России // Правоведение. — 1998. — № 4. — С. 20.

² Мовчан А.П. Права человека и международные отношения. — М., 1982. — С. 95.

³ Вестник МГУ. — Серия 11. Право. — 1997. — № 5.

объединяет в одной статье (ст. 5) право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, дополняя, что эти права защищены законом. Ограничения по отношению к применению смертной казни фиксируются в следующих статьях — 10, 11, 12.

Следует отметить, что текстуальное закрепление в Европейских Конституциях строится практически по одинаковой схеме. Либо краткая констатация данного права (ст. 2 Конституции ФРГ; ст. 28 Конституции Республики Болгария), либо одновременно фиксируются и гарантии недопущения произвольных казней или полного запрета на применение данного вида наказания (ст. 20 Конституции России). Конституция Республики Словении (ст. 17) провозглашает: «Человеческая жизнь неприкосновенна. В Словении нет смертной казни». Аналогична формулировка в Конституции Португалии: «1. Человеческая жизнь неприкосновенна. 2. Применение смертной казни не допускается» (ст. 24). Ст. 1 Главы V Конституционного закона Республики Албании «Об основных конституционных положениях»: «Право человека на жизнь защищается законом. Никто не может быть лишен жизни, иначе как на основании вступившего в законную силу приговора суда, вынесенного в связи с умышленным особо тяжким преступлением, за которое законом в качестве меры наказания предусмотрена смертная казнь. Смертная казнь не применяется к лицам, не достигшим на момент совершения преступления 18-летнего возраста, а также к женщинам». Таким же примером служит ст. 21 Конституции Республики Хорватии — «Каждый человек имеет право на жизнь. В Республике Хорватии нет смертной казни.

Конституция Словацкой Республики (ст. 15) и Конституция Чешской Республики (ст. 6) дополнительно выделяют, что человеческая жизнь достойна охраны еще до рождения. Конституция Ирландии также идет по такому пути: «Государство признает право на жизнь нерожденного и, имея в виду равное право на жизнь матери, гарантирует в своих законах уважение и, насколько это возможно, защищает и поддерживает своими законами это право» (ст. 40). Применительно к такому способу текстуального закрепления следует выделить значение словосочетания «право на жизнь нерожденного». Противники такого подхода могут отметить, что нерожденный не может существовать вне организма матери. Он лишен способности самостоятельно функционировать. Отсутствует дыхание, система кровообращения зависит от материнского организма и так далее. Можно ли говорить, что нерожденный живёт? С другой стороны, лицо, находящееся в коме, поддерживается с помощью искусственных мероприятий (вентиляция лёгких, питание, кровообращение). Однако нельзя говорить, что с потерей сознания человек утрачивает и право на жизнь.

Нередко конституционное закрепление права на жизнь происходит в комплексе с другими правами в одной статье: «Все имеют право на жизнь, физическую и моральную неприкосновенность, никого ни в коем случае нельзя подвергать пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Отменяется смертная казнь, за исключением случаев, предусмотренных военными уголовными законами во время войны» (ст. 15 Конституции Испании).

Ст. 27 Конституции Украины предусматривает: «Каждый имеет неотъемлемое право на жизнь». Как видно, происходит усиление смысла субъективного права за счет включения характеристики — «неотъемлемость». В этой же статье содержится категорический императив: «Никто не может быть произвольно лишен жизни. Обязанность государства — защищать жизнь человека». Именно данная формулировка позволила Конституционному Суду Украины признать смертную казнь противоречащей Конституции. Необходимо отметить, что Конституционный Суд России, устанавливая процессуальный мораторий на вынесение смертных приговоров, уклонился от оценки вида наказания в целом. Следует добавить, что на этом содержание ст. 27 Конституции Украины не заканчивается. Часть 3 дополняет: «Каждый имеет право защищать свою жизнь и здоровье, жизнь и здоровье других людей от противоправных посягательств».

Запрет на произвольное лишение человека жизни присутствует в ст. 15 Конституции Республики Казахстан. Защита жизни законом закрепляется ст. 93 Конституции Латвийской

Республики. «Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств», — предусматривает ст. 24 Конституции Республики Беларусь. Об охране жизни законом говорится в ст. 19 Конституции Литовской Республики.

Ст. 24 Конституции Республики Молдова устанавливает повышенные обязательства: «Государство гарантирует каждому человеку право на жизнь...». Подобную формулировку нельзя признать удачной, так как не совсем ясно, в какой форме государство будет обеспечивать выполнение данной нормы.

Приведённые нормы международно-правовых актов и Конституций⁴ показывают, что восприятие права на жизнь большинством официальных нормативных актов как стремление к отказу от смертной казни обусловлено его особой структурой, отличающейся от большинства иных субъективных прав. Именно особая структура предопределяет либо краткую констатацию права, либо с фиксацией некоторых исключений. Диспуты вокруг недопустимости аборт и опытов с эмбрионами предопределяют также закрепление уважения данного права за нерождённым. Однако тот смысл, который вкладывается благодаря доктринальному толкованию, настолько объёмен и охватывает такой спектр конкретных правомочий, что позволяет учёным рассматривать право на жизнь не только как субъективное право, а как принцип, определяющий содержание и смысл отношений государства и личности, одним из аспектов которых выступает комплекс субъективных прав и свобод.

Следует добавить, что право на жизнь — всего лишь констатация данного явления со стороны государства в том смысле, что государство не может самостоятельно создать новую жизнь. Для этого необходима инициатива человека. Зарождение жизни — последовательный биологический процесс, который с момента слияния сперматозоида с яйцеклеткой не зависит от воли индивидуума. Возможно прерывание жизни, но и как в случае убийства, необходимо сознательное совершение определённых действий, одного лишь волеизъявления будет недостаточно. Процесс зарождения человека и его появления на свет носит необратимый характер, он может быть только прерван, но самостоятельно приостановиться не сможет. Исходя из этого, высказывается точка зрения, не является ли право на жизнь не правом, а свободой. Для того, чтобы определиться с такой характеристикой необходимо рассмотреть понятие «свобода». Надо сказать, что оно имеет двойное значение. Во-первых, свобода рассматривается как состояние⁵. В этом смысле конституции закрепляют самостоятельное субъективное право на свободу⁶. В этом контексте выделялись социально-экономическая свобода, политическая, культурная, личная свобода⁷. Как отмечали ранее В.Е. Гулиев и Ф.М. Рудинский: «Юридический аспект свободы личности предполагает воплощенное в правовых нормах отношение государства к своим гражданам, обладающим субъективными правами и несущими юридические обязанности»⁸. Во-вторых, свобода употребляется в одном контексте с правами, принадлежащими субъекту. Так, Конституция Российской Федерации в ст. 2 закрепляет: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Соответственно возникают вопросы: Тождественны ли понятия «субъективное право» и «свобода»? Если нет, в чем различия? Отвечая на эти вопросы, следует согласиться с большинством ученых, что по своей юридической природе и системе гарантий права и свободы идентичны⁹. Одновременно авторы

⁴ Тексты Конституций цит. по: Конституции государств Европы: В 3 т. — М., 2001; Конституции зарубежных государств. — М., 1996; www.mpsf.org (Издания МОНФ в Интернете).

⁵ В.А. Кучинский рассматривает свободу как состояние, как приобретенную человеком возможность и осознанная им необходимость действовать в соответствии с объективными требованиями природных и общественных сил (Кучинский В.А. Личность, свобода, право. — М., 1978. — С. 57).

⁶ Н.И. Лазаревский выделяет одним из принципов конституционного строя права гражданской свободы, понимая под этим «... известный комплекс прав граждан, признаваемых неприкосновенными для властей, и гарантированных гражданам» (Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. — СПб., 1908. — С. 9).

⁷ См. также: Патюлин В.А. Государство и личность в СССР. — М., 1974. — С. 159.

⁸ Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Социалистическая демократия и личные права. — М., 1984. — С. 72.

⁹ Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. — М., 1999. — С. 226.

указывают, что «...термин «свобода» подчеркивает более широкие возможности индивидуального выбора, не указывая конкретного результата»¹⁰. Вместе с тем, каждая свобода вовлекается в правовое пространство через субъективное право. Определяя статус человека и гражданина, следует характеризовать объем его прав и обязанностей. В любом случае провозглашение в основных документах свободы слова или свободы творчества, свободы деятельности общественных объединений предопределяет анализ конкретных действий через одноименные субъективные права. Применительно к заявленной проблематике провозглашение свободы жизни (вместо — каждый имеет право на жизнь) выглядит неверным. Оно не будет отвечать тому содержанию, которое вкладывается в субъективное право.

Анализируя юридическую доктрину, следует отметить, что в российской науке не выработан единый подход к пониманию права на жизнь. В одной из первых диссертаций, посвященной данной теме, указывается, что право на жизнь включает в себя защиту жизни и содействие ей со стороны государства, что подразумевает обязанность государства поддерживать жизнь человека в смысле необходимых условий существования¹¹. Автор преднамеренно уходит от серьезного вопроса, как гражданин самостоятельно может реализовывать данное право, делая основной акцент на позитивных действиях со стороны государства. Между тем, видно, что вольно или невольно происходит смешивание права на жизнь и права на достойную жизнь, что далеко не одно и то же. Хотя в любом случае следует признать, что отними у человека средства к существованию, он скоро умрет как биологический объект. В этой части такая позиция перекликается с мнением С.Н. Бочаровой, отправной точкой которой выступает ст. 2 Конституции РФ: «Правовая специфика обязанности государства охранять права и свободы граждан заключается в том, что это основная обязанность государства, определяющая смысл и содержание всех остальных его функций, а также его взаимоотношений с гражданином»¹². По-видимому, сложности определения структуры права на жизнь порождают изучение, в первую очередь, активных действий со стороны государства по отношению к человеческой жизни. Их легче оценить, сформулировать пределы. «Право на жизнь — это фундаментальное (первостепенное), неотчуждаемое, абсолютное право человека, которое означает, что государство гарантирует защиту от посягательств на жизнь и произвольного лишения жизни, поддержание жизни и содействие ее продолжению», — такое определение предлагает Е.В. Перевозчикова¹³. Основная «зона критики» его проявляется в установлении обязательств государства по содействию продолжению жизни. В чем конкретно должно оно проявляться, проанализировать достаточно сложно. Также Т.М. Фомичева считает рассматривать право на жизнь в аспекте стандартов Совета Европы как комплекс активных действий всех государственных и общественных структур, каждого конкретного человека по созданию и поддержанию безопасных социальной и природной сред обитания и условий жизни¹⁴. И в этом случае трудно провести грань между собственно правом на жизнь и, в частности, правом на благоприятную окружающую среду.

С.И. Глушкова, соглашаясь с мнением Л.О. Красавчиковой, отождествляет конституционное право с гражданско-правовым институтом. Гражданский кодекс РФ определяет жизнь как нематериальное благо, защищаемое нормами гражданского законодательства, что позволило вывести понятие права на жизнь в объективном смысле слова: «Это совокупность гражданско-правовых

¹⁰ Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. — М., 1994. — С. 65; Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. — М., 2001. — С. 75.

¹¹ Линик Л.Н. Конституционное право граждан Российской Федерации на жизнь: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1993. — С. 17.

¹² Бочарова С.Н. Конституционная обязанность российского государства охранять права и свободы граждан: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999.

¹³ Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: Дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2006. — С. 16.

¹⁴ Фомичева Т.М. Конституционно-правовые проблемы обеспечения в Российской Федерации права на жизнь в свете правовых стандартов Совета Европы: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 9.

норм, направленных на охрану жизни, устанавливающих недопустимость произвольного лишения жизни, запрет активной эвтаназии, дозволенность искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона, а также самостоятельного решения женщиной вопроса о материнстве, в том числе об искусственном прерывании беременности»¹⁵. Гражданско-правовое понимание исходит из приоритета защиты (часть 2 ст. 150 ГК РФ), оставляя «за кадром» иные структурные элементы субъективного права. Основной акцент делается на действия по отношению к гражданину, а не на действия самого гражданина. Ст. 20 Конституции РФ говорит о субъективном праве гражданина, предполагая какие-то действия самого гражданина по реализации определенных правомочий.

Н.В. Кальченко попыталась объединить подобные сферы: «Право на жизнь — это естественная, неотъемлемая от человека возможность защиты неприкосновенности жизни и свободы распоряжения ею, гарантированная нормами внутреннего законодательства и международно-правовыми актами»¹⁶. Первоосновой данного вывода стали работы М.Н. Маленной, ранее подчеркнувшей, что право на жизнь не следует ограничивать отказом от войны, стремлением к отмене смертной казни и вопросами регулирования гражданского оборота оружия. Важным элементом будет выступать возможность распоряжения собственной жизнью¹⁷.

А.Н. Головистикова видит основной смысл права на жизнь в недопустимости произвольного лишения жизни человека¹⁸.

Профессор О.Е. Кутафин делает вывод о том, что главным компонентом содержания этого права является право каждого человека на неприкосновенность его жизни, выделяя его центральные особенности: «Конечно, каждый человек может отказаться от своего права на жизнь, а также от использования его компонента — права на неприкосновенность жизни и закончить свою жизнь самоубийством. Однако он не может отказаться от охраны государством его жизни, являющейся важнейшей обязанностью последнего, которой корреспондирует право человека на неприкосновенность его жизни, обеспеченное целым рядом правовых гарантий»¹⁹.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Право на жизнь является основным правом человека, закрепленным как основными международными документами в области прав человека, так и национальными конституциями. Большинство указанных источников воспринимают право на жизнь в единстве со стремлением к отказу от смертной казни, что обусловлено особым содержанием данного субъективного права.

2. Право на жизнь является субъективным правом. Нельзя его рассматривать сквозь призму «свобода». Употребление термина «свобода жизни» не отвечает требованиям юридической техники, а также тому содержанию, которое вкладывается в него благодаря нормативному закреплению.

3. Закрепление в нормативных актах права на жизнь предусматривает не только констатацию данного явления, но и определенные обязанности государства по принятию эффективных правовых норм. Данные нормы должны гарантировать охрану жизни каждого человека, проведение тщательного расследования в случае противоестественной смерти человека, возможность обращения родственников пострадавшей стороны в компетентные органы, установление ответственности лиц, виновных в лишении жизни другого человека.

¹⁵ Глушкова С.И. Права человека в России. — М., 2005. — С. 366; Красавчикова Л.О. Право на жизнь // Вестник Гуманитарного университета. — Серия: Право. — 1996. — № 1. — С. 24.

¹⁶ Кальченко Н.В. Глава 3 // Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики: Монография / Под ред. Ф.М. Рудинского. — Волгоград, 2004. — С. 75; Кальченко Н.В. Право человека на жизнь и его гарантии в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 1995. — С. 24-26.

¹⁷ Маленная М.Н. О праве на жизнь // Советское государство и право. — 1992. — № 2. — С. 50-57.

¹⁸ Головистикова А.Н. Философское содержание категории «жизнь» и ее реализация в праве // Государство и право. — 2005. — № 6. — С. 39.

¹⁹ Кутафин О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. — М., 2004. — С. 241.